

Ирд Карел

1984

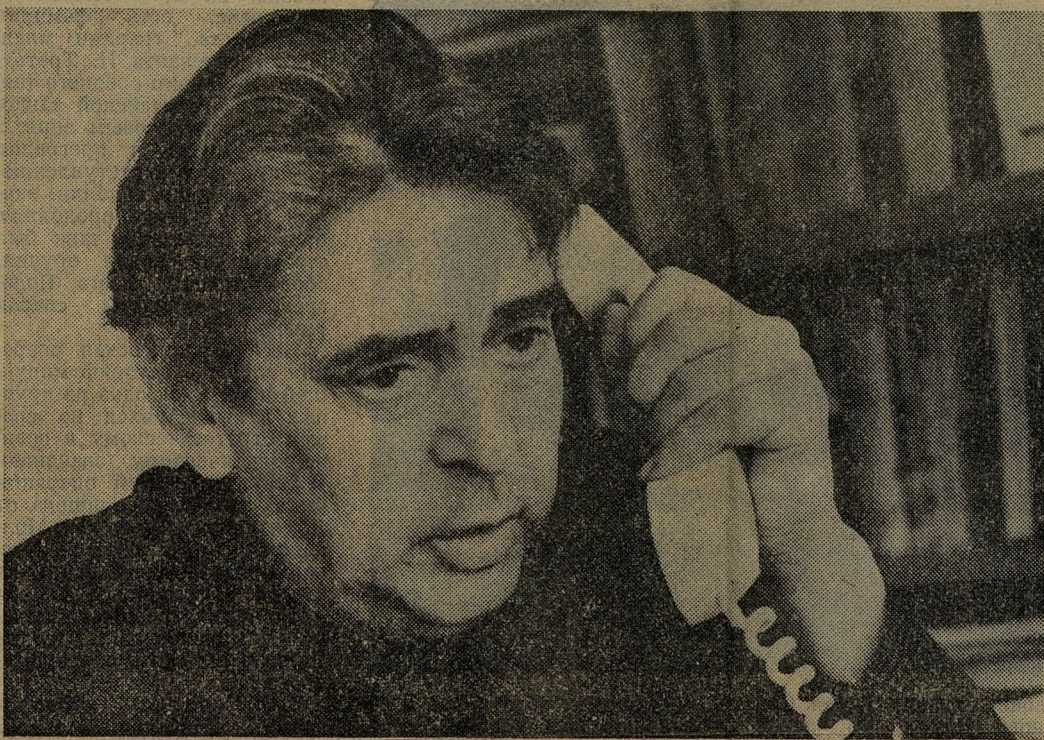
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

18 августа 1984 г. № 99 [5887]

ЛЮДИ ИСКУССТВА

НЕИСТОВЫЙ КААРЕЛ ИРД

Каарел Ирд. Нет человека в Эстонии, да и во всей стране, который не знал бы этого имени.

Но я позволю себе начать разговор о Каареле Кирилловиче Ирде — народном артисте СССР, коммунисте, общественном деятеле, члене ЦК Компартии Эстонии, депутате Верховного Совета Эстонской ССР, художественном руководителе академического театра «Ванемуйне», с маленького личного воспоминания.

...Это было несколько лет назад. Редакция поручила мне организовать диалог с Ирдом, с которого должна была начаться газетная рубрика «Мое кредо в искусстве». Я провела в Тарту, в гостях у Ирда, несколько очень насыщенных дней. Он, как всегда, ходил, почти бегал по своему кабинету, маленькой комнатке с огромным письменным столом, до потолка заваленной книгами, как бы выплескивая поразительно четкие и остроумные формулировки, которые фиксировал мой магнитофон. Диалог был готов, отправлен в редакцию, принят, но... товарищи попросили изменить буквально одну, первую ирдскую фразу. Зная скрупулезную ответственность Каарела Кирилловича за каждое слово, появившееся в прессе, звоню ему в Тарту:

— Нужна новая формулировка самого начала...

— Что?! — гневный голос Ирда забушевал в мембране. — Ничего вы не поняли, я зря потратил столько времени. Зачем мне красоваться формулировками? Все! Никаких разговоров по этому поводу больше не веду...

Звоню снова. Говорю как можно деликатнее:

— Нужна всего лишь одна новая фраза. Понимаю: по телефону нам не договориться. Сегодня же приеду в Тарту.

— Не приезжайте! Я занят! Все!

И все-таки еду. Зимний вечер. Прибалтийский экспресс останавливается у застывшего тартуского перрона. Бреду по знакомой улице в гостиницу. Внизу, у окна администратора, встречаю знакомого таллинского журналиста.

— Вы не знаете домашнего телефона Ирда? Я забыла свою записную книжку...

— Знаю. Да ведь он только что встречал рижский поезд. Злой, как волк, метался по платформе. Видимо, не встретил того, кого ждал.

В этот самый момент распахивается дверь и появляется сам Ирд — огромный, в шубе, на шее небрежно намотан шарф, волосы заправлены под надвинутую на самый лоб мохнатую шапку.

В номере он диктует мне не только новую фразу, но и

заново сочиненное им начало.

— По-моему, так будет лучше, — говорит он. — Товарищи из редакции правы. Что? У вас иное мнение?

Мы переделали с ним весь многостраничный диалог.

И еще одно, тоже сугубо личное, воспоминание. Как-то мы крепко поспорили с Каарелом Ирдом об одном спектакле «Ванемуйне», поставленном молодым, начинающим режиссером. Это был, на мой взгляд, спектакль не на уровне знаменитого театра, театра революционной романтики.

Каарел Кириллович упрямо спорил: надо доверять молодым, у них есть право на эксперимент. Нападки на спектакль не что иное, как навязчивое брюзжание...

— Скажите искренне: вы поставили бы свое имя под такой трактовкой пьесы? — спросила я.

— Да! Я ведь его поставил как художественный руководитель, отвечающий за все, что делается в этом доме.

И вдруг в дверь кабинета постучали. Вошел тот самый молодой режиссер, работа которого вызвала полемику. Они тихонько поговорили между собой, Ирд встал из-за стола — взъерошенный, еще не остывший от спора — и крепко, по-отечески обнял парня. Парень утонул в его богатырских объятиях. Потом вынырнул из них и вышел, смущенный, из кабинета.

— Вы знаете, что он мне сказал? — обратился ко мне торжествующий Ирд. — Он просит снять его спектакль с афиши. Он говорит, что понял, спектакль не получился. А спорил я с вами нарочно. Снимать слабый спектакль в приказном порядке значило

бы создать ему рекламу. Умный режиссер — «сам понял»!

Непросто обозначить даже беглым пунктиром все грани этого неистового характера. Невозможно даже кратко охарактеризовать этапы развития одного из интереснейших театров страны, академического театра «Ванемуйне», синтетического конгломерата жанров — оперы, оперетты, балета, драмы, работающего в маленьком эстонском городе Тарту и вот уже добрых сорок лет возглавляемого Каарелом Ирдом.

Сын маляра, сам 15 лет проработавший маляром, он вышел из Рабочего театра в Тарту, который был своеобразным рупором идей Коммунистической партии Эстонии, в те годы находившейся в глубоком подполье. За «левую» деятельность театр подвергался репрессиям со стороны фашиствующих правителей и был закрыт. В первый год восстановления Советской власти Каарел Ирд был назначен главным режиссером «Ванемуйне». С тех пор жизнь его каждый день отдана этому театру.

Он всегда знал, что советский театр в Эстонии будет жить, расцветать. Театр социалистического реализма. Театр Станиславского.

— Первой моей постановкой в «Ванемуйне» была «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Это был наступательный спектакль. Плох тот театр, который не слышит зова времени. Плох тот творческий коллектив, в котором хоть на миг перестает биться пульс революционной эпохи, — говорит К. Ирд. — И если бы у меня спросили сегодня, о чем я как руководитель театра больше всего мечтаю, ответил бы, не задумываясь: о хо-

рошей пьесе, в полный голос говорящей о наших людях, об их жажде мира и умении отдаваться труду.

Театр и зритель. Это тоже огромнейшая проблема, которой Ирд занимается последовательно и настойчиво.

...И здесь опять — перебивка! — маленькое, но драгоценное для меня воспоминание. Я смотрела в «Ванемуйне» спектакль «Тьма начинается ночью» Р. Парве, поставленный великолепным режиссером Э. Кайду. Трагический рассказ о судьбах юных большевиков, отважно боровшихся за светлое будущее своего народа и отдавших без колебания свои жизни великому делу. Молодые артисты играли своих ровесников. Они проживали на сцене их прекрасную жизнь-подвиг, как бы становясь единомышленниками и соратниками своих героев.

В зале стояла тишина. После окончания спектакля ни возгласов, ни аплодисментов.

Подожел Ирд.

— Вы видели? — спросил он, взволнованно.

— Да, спектакль потрясает...

— Но вы обратили внимание на главное: как молчат зрители? Как они прекрасно молчат!

Театр «Ванемуйне» стал стартовой площадкой для многих значительных произведений писателей и композиторов Эстонии. Театр стал отчим домом для многих выдающихся артистов. Иные из воспитанников Ирда работают в других театрах, снимаются в кино. Но все и на всю жизнь заряжены одержимостью учителя. Ирд радуется каждому их успеху. И это для него чуть ли не главный источник новых сил.

Ставя своего незабываемого «Кориолана», он хотел показать духовную смерть, обреченность личности, если она чужда народу. Спесь, чванство Ирд не навидит.

Каарел Ирд так горячо любит своего «Дикого капитана» Ю. Смуула потому, что в этом спектакле светится огромная вера в человека. Капитан Йынь с остервенением не способен стать ни хулителем народа, ни его судьей. Ибо он сам — его плоть, его кровь.

Во всех работах главное для Ирда — утверждение высокой духовности, человечности нашего мировоззрения. Так понимает он партийность своего искусства. Гуманизм, максимум отдачи людям, презрение к корыстолюбию — таков его моральный кодекс.

— Я режиссер старой реалистической школы, — говорит он о себе, — стремлюсь, чтобы зритель видел на сцене настоящих людей. И хотел бы быть на них похожим. Но тут я хочу уточнить. По-моему, некоторые понимают совет Станиславского — начинать жизнь на сцене с «маленькой правды», — наверное, как некий фетиш. И ослепляют на уровне этих «маленьких правд». Но ведь на почве «маленьких правд» могут произрастать только маленькие мысли. Я — за огромность, пламенность мысли, которая ни на минуту не гаснет.

— Человечность, — продолжает Ирд. — Но что же это значит сегодня? Да, говорим мы, надо надежно защищать человека от ядерного безумия. Надо, однако, защищать не только его самого, но и его душу, которую яростно атакуют взрывные волны антисоветизма. Марксизм превратил гуманизм из предмета красивых мечтаний в объект активного революционного действия. Идеология пролетариата, вобрав в себя всю человечность истории, приобрела огромную притягательную силу. Но притягательной силой надо не только гордиться, надо и умело пользоваться ею в бою.

В нашем обществе нет неразрешимых проблем, не от чего впадать в панику, нытье или даже отчаяние. И театр наш может быть только театром убежденных оптимистов. Даже тогда, когда он бичует пороки.

Клокочущий, всегда атакующий — таков он, Каарел Ирд, человек, рожденный для театра, ежедневно, ежечасно, ежеминутно рождающий Театр.

О. МАКАРОВА.

ТАРТУ,
Эстонская ССР.Народный артист СССР
К. Ирд.

Фото Ю. Тарсон.